

К этому моменту Цинь Юйань, уже успевший прийти в себя, слегка прищурился. Его взгляд, пронизанный пытливым интересом, был прикован к заплаканному лицу стоявшего перед ним человека.

Почувствовав на себе этот обжигающий взор, Се Цинши ощутил, как к лицу прилила кровь. Он засуетился и, охваченный легкой паникой, поспешно отвел глаза.

— Я... я позвал тебя поесть. Заказ уже привезли, поешь, а потом вернешься в комнату и доспишь.

Он попытался неуклюже сменить тему. Неясно, то ли от излишнего волнения, то ли от непривычки лгать, но слова давались ему с трудом. Голос звучал прерывисто, а руки в это время беспокойно теребили края одежды.

Услышав это, Цинь Юйань подался вперед. Его взгляд упал на слегка покрасневшие мочки ушей собеседника, и он довольно усмехнулся.

— Наш А-Ши такой заботливый, да к тому же такой красавец, что я просто в восторге. А может...

Он говорил развязно, с игривой и слегка хулиганской улыбкой на губах. Выдержав паузу, чтобы сильнее заинтриговать Се Цинши, он выпалил нечто совершенно нелепое:

— ...станешь моей женой?

Се Цинши, сидящий на водительском сиденье, лишь мысленно закатил глаза. И стоило вообще за него переживать? Только зря потратил чувства.

Хотя лицо Цинь Юйаня все еще оставалось бледным, после сна он явно выглядел бодрее. Видя, что тому стало лучше, Се Цинши почувствовал, как с души отлегло.

— Живо выходи из машины, будем есть.

Он резко сменил мягкий тон на сухой, вышел из салона и с грохотом захлопнул дверь.

Поняв, что Се Цинши наконец перестал выглядеть таким встревоженным, Цинь Юйань с облегчением выдохнул. Он тут же выбрался следом, продолжая дразнить своего стеснительного друга:

— Не злись, А-Ши, ну не буду я делать тебя своей женой, доволен?

— Алло, шеф, мы всё выяснили. Молодой господин Юй внезапно вернулся в город С из-за того, что старик Ань был при смерти.

— А почему он задержался там так надолго?..

Помощник, собрав информацию, тут же доложил обстановку.

— Что значит почему? Говори быстрее!

Гу Чэнь, услышав запинки в голосе подчиненного, начал терять терпение.

— Готовились к похоронам. Старика Аня больше нет.

Помощник набрался смелости и выпалил всё как есть, а в конце добавил:

— Его уже предали земле.

Услышав это горькое известие, Гу Чэнь крепче сжал телефон. Гнев начал klokотать у него в груди, а на виске запульсировала вена.

— Разве я не приказывал следить за ним постоянно? Почему докладываете только сейчас?

— Прошу прощения, шеф. Молодой господин Юй намеренно скрывался, а в семье Ань все как один хранили молчание. К тому же в последние годы старик Ань жил затворником и никого не принимал, выведать что-либо было крайне сложно. Наши люди лишь тогда зацепились за след, когда заметили, что прислугу в доме Аней распустили.

— Кучка бездарей! Пусть все немедленно убираются из города С и докладывают мне обо всем, что узнали, до последнего слова.

Лицо Гу Чэня исказилось от ярости, костяшки пальцев побелели от того, как сильно он сжимал телефон. Но он понимал, что сейчас важнее всего выяснить состояние юного господина.

— Есть еще кое-что, шеф. Мы только что выяснили, что старик Ань скончался у себя дома. Месяц назад он отказался от лечения и выписался из больницы, несмотря на болезнь.

Выпалив это, помощник медленно выдохнул и даже вытер холодный пот со лба. В трубке повисла тишина, и он понял, что шеф в ярости. Он невольно вспомнил его вечно холодные, как лед, глаза и содрогнулся.

Спустя долгое время из телефона донесся холодный голос:

— Я сейчас не могу уехать. Пусть те, кто остался в городе С, от моего имени возложат цветы на могилу старика.

Услышав это, помощник на другом конце провода в изумлении расширил глаза. Он долго не мог прийти в себя от удивления.

«Надо же, у нашего ледяного шефа есть такая мягкая сторона. Похоже, он искренне привязан к молодому господину Юю, раз готов проявлять внимание даже к его близким», — подумал он про себя.

Повесив трубку, Гу Чэнь долго сидел в кабинете в одиночестве, словно пытаясь осознать известие о внезапной кончине старика Аня.

Теплые солнечные лучи пробивались сквозь шторы, освещая его необычайно красивое лицо. Прямой нос казался еще более выразительным в этом свете. Дорогой костюм от кутюр подчеркивал его идеальную фигуру, а густые волосы были аккуратно зачесаны назад.

У него была классическая восточная внешность, черты лица казались почти безупречными, а темные, глубокие глаза — бездонными. Каждая линия его облика заставляла невольно восхищаться несправедливостью божьего дара. Однако в его взгляде не было ни капли тепла. В этих глазах, от одного взгляда на которые, казалось, всё вокруг покрывалось инеем, нельзя было прочесть никаких чувств, а ледяная отстраненность, исходившая от него, заставляла людей держаться на расстоянии.

— Ешь, что есть. Я заказал кашу, она легкая, — сказал Се Цинши, подхватывая пакет с едой у двери и открывая замок ключом.

— Да ладно тебе, Цин-Цин, ты же знаешь, я не люблю пустую кашу, — Цинь Юйань надул губы, выражая недовольство. Его лисьи глаза блестели, а на лице играла хитрая улыбка.

Услышав, как этот пройдоха снова называет его детским прозвищем, Се Цинши хотел было огрызнуться, но, взглянув на его изможденное лицо и совершенно бледные губы, сник.

Он молча достал из обувного шкафа тапочки, поставил их перед ним, прошел с пакетом в гостиную и тихо объяснил:

— Знаю, что ты любишь поострее, но в последнее время ты толком ничего не ел. Сегодня поешь каши, чтобы восстановить силы, а завтра я угощу тебя чем-нибудь серьезным.

Цинь Юйань посмотрел на аккуратно расставленные тапочки, и внутри него разлилось тепло, словно у человека, изгнанного в ледяную пустыню, внезапно вспыхнул огонек. Это крошечное тепло, хоть и не могло спасти от холода, поддерживало в нем жизнь.

Войдя в комнату, Се Цинши сразу включил обогреватель. Зная, что его гость привередлив в еде, он, вопреки своему обычно небрежному характеру, терпеливо разложил всё по тарелкам.

Увидев, что Цинь Юйань застыл в дверях и не решается войти, он подумал, что тот всё еще капризничает из-за еды. Се Цинши на мгновение задумался, уголки его губ слегка приподнялись, и он обернулся:

— Господин Юй, всё готово, окажите честь, поешьте немного!

Только после этого Цинь Юйань вышел из оцепенения, переобулся и прошел внутрь.

Когда он сел за стол, Се Цинши поставил перед ним кашу и попросил есть, пока она горячая. Во время еды шумный обычно Се Цинши молчал, тихо поглощая свою порцию, что показалось Цинь Юйаню непривычным.

Он покосился на него: тот сидел, задумчиво покусывая ложку. Поймав его взгляд, Се Цинши тут же опустил голову и принялся торопливо есть.

Цинь Юйань, глядя на лицо своего друга детства, на котором всегда было написано всё, что у него на душе, понял, что тот за него переживает. Он отложил ложку, взял салфетку и вытер губы.

— Хочешь о чем-то спросить — спрашивай.

Се Цинши поперхнулся от неожиданности.

— Кх-кх... Нет, нет, я ничего не хотел спрашивать. Ешь, не обращай на меня внимания.

Но Цинь Юйань словно не слышал его слов. Он продолжал сверлить его взглядом, ожидая ответа. Се Цинши, даже при всей своей толстокожести, почувствовал себя неловко. Он начал тереть руки и медленно опустил голову, словно ребенок, которого застали врасплох.

— Я просто хотел спросить... похороны бабушки Аня прошли нормально? Столько дел было в семье бабушки, как ты со всем справился сам? И еще... еще...

— Что еще? — прямо спросил Цинь Юйань, заметив, что голос Се Цинши стал совсем тихим, едва различимым.

<http://bllate.org/book/20043/1980145>